

Дмитрий Григорьев

Родился в 1960 году в Ленинграде. Учился на химическом факультете Ленинградского университета.

Циклы стихотворений:

Трава на обочине (1984)

399 позиция преискуранта (1985)

/"Часы" № 60/

Осенние переводы (1985) /"Часы"

№ 60/

Телефонная книга (1985)

Тела различной формы (1986)

и публикуемые здесь.

из книги "ГОЛОЕ ПОЛЕ" (1986)

х х х

был день, когда я
нашел осколки посуды
и высохший кал

я подумал: здесь жили люди
их сжигала любовь и тоска

х х х

был день, когда по небу летела птица
она, взмахивая крыльями жужжала
как машинка на молнии
небо расстегивалось, расползалось,
обнажая небесные тела: звезды, планеты
и млечный путь -

я долго не мог заснуть,
а ночью не видел снов.

песня разъясняющая

дело не в заунывной песне ямщика
и не в страшной обнаженности человека
и даже не в боге, разном с разных сторон,
дело в том, что нет ветра

я перемешиваю ногами пенопластовую крошку
и прожектор обозначает солнечный свет
- Включите насосы! Скорее включите насосы!
Им покажется, что нет ветра!

Ямщик рукавицей стирает слезы и пот
затем беззвучно падает в якобы снег,
скоро придет горизонт и обрежет ему век,
но по-прежнему нет ветра

х х х

был день размышления о границах
и черных точках на горизонте
— может быть это — замерзающие ямщики?
или их жены?
или люди высохшего русла реки?

/тогда я подумал: во сне
твоя рука — река
несущая в облака
тех, кто лучшей доли искал,

а в голом поле тоска
донага раздевает человека,
таскает по земле, размазывает
как масло на хлеб
только вот хлеб есть некому/

х х х

мне незачем прятаться голому
от душевного голода — холода
от мыслей покинувших голову
и гуляющих в чистом поле

ведь широка страна моя
и много разных мыслей в ней
они бурлят внутри и вне
воё протекает, исчезая в глубине,
ямщик поет
и падает ему на плечи
онег.

из цикла "УЖЕ ЛЕТО" (1986)

х х х

Мама стала меньше
Я все дальше живу от ее вчера,
Но ближе к вечеру.
Нет, не к вечеру, к вечности.

х х х

М.К.

Без зеленого гонора,
без коричневых гонораров
— Дай бог, добрых рук — оставаться,
дай бог, дождём всех — дождаться.

х х х

Есть в нашем мире остро^в калек
соль морская, горький хлористый кальций
и пена — терпение боли
когда режет глаза горизонт.

х х х

Я живу осенью вереска и земляники
осмотрю на деревья
/прощаясь с маленьким серебристым облаком
маленьким серебристым/

х х х

Недолговечные письма мой-облака
летят на север, темнеют, дождем проливаются
или рассеиваются.
Но это — четырехлапое, белое ласковое
долетит. Обязательно долетит.

из цикла "НЕКОТОРЫЕ ТВОРЕНИЯ"
(1986)

х х х

Что ты пишешь на небе в кровь разрывая крылья? —
они не умеют читать твои письма
и протечка на кухне им страшней чем великий потоп.
Все, что будет в потом — выстрел,
ничего не будет потом.

х х х

игрушечная осень неблагозвучий:
на асфальт
дети бросают фантики

х х х

добрый человек
в соленой мокрой жилетке
добрый человек
с чужими кимиями под сердцем
добрый человек
смерть

окна ее квартиры выходили на
самое серое море

Мы утонули вместе,
Мы медленно опустились волею за солнечным диском, —
— так он думал, а она убирала квартиру, гуляла с ребенком, —
Землечерпалка в нудной работе своей делает лужу морем.
— в крикливом облаке чаек он видел янтарь и жемчуг,

он знал её мужа, сына и даже собачку,
муж подвезит ее на машине до самой работы
большие корабли проходят и капитан /неудачник
в постороннем разговоре посторонних людей — зевота/
улыбается, глядя в воду.

— Есть небо другое и теплые звезды, —
он так говорил и раскрывал большой черный зонт.

пенсионеры смотрели на море, она готовила ужин,
вентиляционные трубы смешивали запахи и слова
шелестели пеной невидимых волн.

Он придумывал ее глаза и волосы.

Землечерпалка поднимала над водой поросшее тиной солнце.

из цикла "ВРЕМЕНА ПЕРВОГО СНЕГА"

/1986/

в о с п о м и н а н и е

она проходит как боль

сорок шагов от пивняка
до Владимирской церкви

боль проходит

сорок шагов всего.

ш е с т ь с т и х о т в о р е н и й о т е м н о т е
и о д н о н е о т е м н о т е

темное время, смутные годы —
узнавая в лицо совпадения, скажут:
— Словно в воду глядели,
зеркальную, незамутненную,

глубокую, темную.

переживают, пережевывают, наживают
морщины и язвы
а стороны жизни такие разные —
сладкие слезы, горькие праздники.

темные ночи:
молоко становится синим,
если выключить электричество.

если выключить свет,
подождать,
пока глаза привыкнут к темноте
можно увидеть, как светятся наши тела:
грязные, грешные бранные, —
но светятся ведь!

глаза привыкают к темноте
и темнота оживает предметами —
— мы привыкаем жить.

он кричал: — В темноте мне ничего не
видно !!!
а когда включили свет —
он просто ослеп.

по тропинке слепых ведет слепой —
еще шаг и они сорвутся в пропасть:
многие видели эту картину ...
но поросла травой тропинка.

х х х

Я становлюсь ворчливым, душа моя,
несносным
словно движенин ножа по тарелке
глубокой, фарфоровой

похожей на р пруд
он покрывается корочкой льда поутру
на его берегу малыш собирает желуди
чтобы дома из спичек и желудей
создавать человечков ...

я боюсь машин, боюсь холода,
встречаю людей иногда вижу —
желуди, желуди
скатываются в пруд,
застывают в ледяной пленке
над бездной

Я становлюсь несносным, душа моя,
и уже сам себе надоел,
слова мои крошатся, словно мел
в потных пальцах прилежного ученика:
жизнь есть форма существования ... —
рассыпаются остатки мела,
или снег идет
жизнь есть форма повествования
и построенное предложение
влечет продолжение.

и з ц и к л а

"Я Н А П И Ш У О В Р Е М Е Н И..." (1987)

х х х

Я напишу о времени так:

и были страшные морозы
даже пар прятался
в подземном проходе к метро,
так, что не было видно ни встречного
ни сзади идущего

а мне показывали Жодасевича
в "огоньке"
— Оттепель, посмотри, оттепель! —
говорили, — то-то будет теперь!

и я смотрел
надвинув шапку на голову,
замотав шарфом лицо

на дымный городской пейзаж
дым особенно заметен
в такие холода ...

х х х

не слепить веселого снеговика —
— морозный снег рассылется в руках

помню несколько чисел:
74 — номер автобуса до детской больницы
29, 30, 31 — последние дни 86го.

ледяной лес на стеклах автобуса
не отпускает домой.

х х х

Что мы отчизне посвятим,
пока сердца для чести живы
а дни проходят, как нарывы
и ветер в проводах свистит?

Мой друг, я видел трубы, трубы,
дым улетал под облака,
в песке отчизны на руках,
в движении пальцев — наши судьбы.

х х х

плоские, словно листы картона,
тела коней раскачивает ветер,

и цветная вода журчит под ногами,
красивая, но не пригодная для питья.
Мы снимаем каски,
зачерпываем воду,
и пьем —
— ведь
эта вода — неправда,
и ветер — неправда,
и нелепые яблоки на конях — тоже неправда:
/коней мы вырезали из воздуха,
щелкая словами-ножницами:
но, но, но! — удар хлыста
словно большой глоток/

нам никогда не напиться из этого потока.

х х х

много ли надо счастливым:
старухе — цветы, старику — стакан ...
а золотую рыбку доедает кошка
из трещин корыта тараканы ползут
море быта вычерпываю ложкой
живу жизнь, растворяю соль,
и по утрам сплевываю мазут ...
много ли надо для счастья?

— Столько,
да еще полстолько,
да еще четвертьстолько
и т.д.

х х х

я напишу о времени:

в метро читают газеты
ветер треплет страницы
волна за волной плывут строчки,
деловые, новые строчки,

свежие словно цветочки

А какие же будут ягодки,
кому ведомо?
кони розовые в облаках — яблоках,
или мундиры да сапоги кованные,
или вовсе не будет ягодок?

Если газету отпустить,
ветром ее понесет по вагону —
пассажиры заметят, поймут,

но поезд от этого не остановится
и даже не притормозит.

х х х

я напишу о времени:

в конце месяца снегопад,
день ото дня город становится белее
волхвы уже вернулись назад
они никого не нашли в Иудее

Здесь царь, здесь! — говорят они
заглядывают в подворотни,
опускаются в убежища и полуподвалы
где как звезды горят глаза кошек
и дни проходят незаметно
шелестом осыпающейся мокрой штукатурки
отвечая на каждую молитву.

Волхвы ползают по теплым трубам
Месяц ногами подвальную жижу
но вместо Христа-младенца
находят пьяных болжей.
А звезда ослепляет, словно
ручной милицейский фонарик,
и кажется — дети в подвале играют
дети играют.

х х х

летом
мухи над мертвым голубем
образуют живой нимб
и мир умножается в зеркальных сферах мушиных брюшек
когда ты останавливаешь машину минутой молчания
над трупом птицы
когда ты ковыряешь его, словно поломанную игрушку,
я говорю: — Перестройка,
перестройка, перестройка мне снится.

А дома твой папа купил голубой унитаз
в голубом унитазе кал похож на грозовые облака
скоро сверкнет и пойдет отрицательный дождь:
мухи взлетят, мир умножая зеркальными брюшками,
я прошепчу: — Перестройка, и смерть не страшна, когда
перестройка.

Но, нынче зима
и если голубь замерзнет, умрет,
голубь мира замерзнет, умрет,
мухи не выйдут его хоронить,
и не прогудит умножающий землю оркестр —
только снег занесет,
и если
тебя занесет в наши края,
я прошепчу: — Перестройка!, и мертвую птицу, как знамя подняв
мы пройдем по проспекту:
смотрите, смерть не страшна,
она оживляет город
и перестройка розовой льдинкой ползет из горла.

х х х

я напишу о времени так:

олюна становится сладкой
время, имя которому — тошнота

я закусываю губу, чтоб
удержать плохие слова, так
приходит болезнь

старая кирпичная стена
по обе стороны похожий пейзаж
голубое небо —
— стена острее ножа
даже больно смотреть
под левой стороной — старый снег,
а справа — следы, —
это я пришел съесть снег,
приблизить весну

мои губы шелушатся,
словно старый кирпич,
я сплевываю сладкую слюну —
— внизу снег розовеет,
 чернеет,
 тает.

ИЗ ЦИКЛА ЛИСТОВКИ

псевдосонет — недолистовка 2

С О Н н е т / н а ж е н и т ь б у к о м с о —
 м о л ь ц а /

В тонкий волос, в мех грудной
Глубже суй усталый нос
Пахнет розой, резедой
От моих могучих ног

Торс мой ручкой обойми
Поцелуем жги пупок
Как приятно в эти дни
Знать, что я не одинок

Вот я сплю, а рядом — ты
Презирая всякий стыд
Белоснежноголый плен

Рады все — семья, друзья, —
Наконец женился я
Старый волосатый член
ВЛКСМ.

л и с т о в к а 3

о т о м , к т о т ы и к т о я т а к о й

Был бы я кудрявый, словно Пушкин
прыгали б вокруг меня подружки
не хватало б мне одной подушки
но я не Пушкин

Был бы я усатый, словно Гоголь
жил бы я безгрешно перед богом
ну а женщин даже взглядом бы не трогал
но я не Гоголь

Был бы я босой, как Лев Толстой
я работой занимался бы простой
и здоровья б мне хватило лет на сто
но я не Лев Толстой

— Кто ж ты? Кто ты такой?
— Я твой соковыжиматель.

л и с т о в к а 6

о б о р ь б е

В квартирах оснащенных телефоном
и качественным санузлом
жизнь кипит и пенится

А мы ведем борьбу со злом
терпенье, главное — терпенье

У разбитого унитаза
на берегу самого синего моря
ты целовала водолаза

А у меня кончался кислород
и капала слеза из глаза

Вот Фил закручивает вентиль
и транк М.К. несет облатку
она пищит и смотрит сном

— Брось унитаз, ложись в кроватку
а завтра вновь борись со злом

Зло вездесуще и огромно
оно задушит водолаза

И ты оставь свои проказы
и поцелуи отложи
Но жди приказа!
ежедневно.

приказа.

жди.

Солдат вернется
пройдут дожди.

л и с т о в к а 8

Средства массовой информации

Средства массовой информации
собираются в стаи
ручками вертят мерцают
экранами посевов до нового пленума
потомкам седьмого колена
А механическая лихорадка
золотистая сыпь осени
обметала их губы

— Не бойся, поцелуй меня, глупый! —

и звенят мелодично экраны
в необъятных просторах страны.

л и с т о в к а 32

/я лиру посвятил.../

Державин лиру Пушкину вручил
Некрасов посвятил ее народу
я в детстве наизусть учил
стихи про волю и свободу

про памятник нерукотворный
и про народные пути —
— слетелись лиры, словно вороны,
звенят: — скорее посвяти!

— Я рад светить, всегда! везде!
до дней последних донца,
светить, и никаких гвоздей,
вот лозунг,

— друг мой, успокойся,
пойдем, поклонимся звезде,
а утром — встретим солнце.

.....